

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

И. СЕНТЪЕВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПОРТРЕТЫ
КРИТИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

ПАМЯТНИКИ
МИРОВОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И КРИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

Ш. СЕНТ-БЕВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПОРТРЕТЫ
•
КРИТИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

Перевод с французского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970

8 И (фр)
С31

*Составление, вступительная статья,
комментарии*
М. ТРЕСКУНОВА

Редакция перевода
А. АНДРЕС и И. ЛИХАЧЕВА

Оформление художника
И. ВАСИЛЬЕВОЙ

7-2-3
297-69

«МЫСЛИ» ПАСКАЛЯ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ С ПРИМЕЧАНИЯМИ И КОММЕНТАРИЯМИ

г-на Е. АВЭ *

Принимаясь за эту небольшую статью о Паскале, я чувствую себя весьма неловко: некогда мною уже был написан целый том, посвященный почти исключительно этому предмету. На сей раз, говоря перед широкой публикой о книге, занявшей достойное место среди наших классических произведений, я постараюсь забыть то, что раньше писал об ее авторе в весьма специальном аспекте, и ограничусь лишь тем, что может вызвать интерес большинства наших читателей.

В этом мне окажет помощь лежащая сейчас передо мной прекрасная работа г-на Авэ *, в которой принято во внимание все написанное раньше на эту тему.

Паскаль был человеком большого ума и, что не всегда свойственно большим умам, — человеком большого сердца. Все то, что он совершил в области ума и в области сердца, несет на себе печать самостоятельности и своеобразия, свидетельствует о силе и глубине его мысли, о пылких, почти яростных поисках истины. Рожденный в 1623 году в семье умных и добродетельных людей, воспитанный отцом — человеком тоже незаурядным — в обстановке полной свободы, он обладал изумительными способностями, в частности, к математическим вычислениям и концепциям, и наряду с этим — обостренной душевной чувствительностью, породившей в нем страстное стремление к добру, отвращение к злу и жажду счастья, — но счастья благородного и безграничного. Уже с детских

лет он снискал себе известность своими открытиями; во всем, на чем бы ни останавливался его взгляд, он искал и заходил что-то новое, и ему легче было идти до всего самому, нежели изучать предмет со слов других. Свойственные молодости заблуждения — легкомыслие, отклонения от требований морали — миновали его. Это не значит, что натура Паскаля не была подвержена бурям; бури эти и он пережил, но целиком в сфере науки и, в особенности, религиозных чувств. Злоупотребление умственным трудом рано привело его к странному нервному заболеванию, еще более развивавшему в нем и без того обостренную чувствительность. Встреча с господами из Пор-Рояля * дала пищу его нравственной деятельности, а их доктрина, представлявшая нечто новое и смелое, послужила для него отправной точкой, от которой он, с присущим ему своеобразием, устремился к полной перестройке нравственного и религиозного мира. Искренний и страстный христианин, он создал свою апологию религии, пользуясь методом и доводами, до которых никто до него не додумывался и которые должны были поразить в самое сердце неверующего. В возрасте тридцати пяти лет он поставил себе эту задачу и принялся за ее осуществление с той страстностью и вместе с той ясностью мысли, которые вкладывал в любое дело. Расстройство его здоровья, принявшее новые и более тяжелые формы, помешало последовательному осуществлению его замысла, но всякий раз, как страдания отпускали его, он возвращался к нему, набрасывая на бумагу свои мысли, взгляды, внезапные прозрения. Ему было всего тридцать девять лет, когда он скончался (1662), так и не успев свести в единое целое все написанное им, почему эти «Мысли о религии» и появились лишь семь или восемь лет спустя (1670). Издание их было осуществлено его родственниками и друзьями.

Каково было это первое издание «Мыслей» и каким могло оно быть? Это легко себе представить, даже не обращаясь к рукописи. В это первое издание вошло далеко не все, что оставил Паскаль, — в нем даны лишь основные отрывки, но даже и сюда внесены разные исправления, смягчения и разъяснения, вызванные соображениями самого различного свойства,

начиная от опасений разойтись с учениями церкви и кончая страхом нарушить правила грамматики. Исправления эти коснулись мест, где живость и нетерпение автора проявились в слишком непривычном и сжатом языке и где суждения его были выражены слишком определенно, что в этой области могло оказаться опасным.

В XVIII веке Вольтер и Кондорсе ухватились за некоторые из этих «Мыслей» Паскаля, подобно тому как на войне стараются использовать во вред противнику слишком смелый и необдуманный прорыв неприятельского военачальника. Но Паскаль при всей своей смелости действовал всегда обдуманно, и раз уж я сравнил его с военачальником, скажу, что он пал в тот самый момент, когда осуществлялась проводимая им операция; она осталась незавершенной и обнажила уязвимые места.

Восстанавливая сегодня подлинный текст Паскаля, давая его фразы во всей их безыскусственности, точной и мужественной красоте, в их вызывающей смелости и порой удивительной обыденности, мы возвращаемся к более верной и вполне доброжелательной точке зрения. Г-н Кузен в 1843 году первый предпринял эту работу по полному восстановлению текста Паскаля; тем же мы обязаны в 1844 году и г-ну Фожеру*. Благодаря его трудам мы располагаем теперь «Мыслями» Паскаля, выверенными по рукописям. Вот этот восстановленный текст опубликовал в свою очередь выдающийся молодой ученый г-н Авэ, снабдив его всеми необходимыми средствами для его лучшего понимания — пояснительными примечаниями, сопоставлениями, комментарием; он дал нам научное и в лучшем смысле этого слова классическое издание «Мыслей».

Не имея возможности основательно углубиться в изучение метода Паскаля, я хотел бы, вслед за г-ном Авэ, остановиться здесь лишь на одном вопросе и показать, как, несмотря на изменения, происшедшие в мире и в человеческих воззрениях, несмотря на все большую неприязнь, которую вызывают отдельные взгляды автора «Мыслей», мы оказываемся ныне в лучшем положении, нежели люди времен Вольтера, чтобы понять и оценить Паскаля; и как то, что коробило в Паскале Вольтера, коробит нас уже не так сильно,

как трогают и восхищают нас находящиеся тут же рядом прекрасные и сердечные мысли.

Паскаль не только беспощадный диалектик, теснящий со всех сторон своего противника, бросающий ему тысячу вызовов во всех тех областях, которые обычно считаются самыми гордыми достижениями человеческой мысли, он вместе с тем и страждущая душа, испытавшая на себе все тягости борьбы и все страдания и выразившая их в слове.

Неверующие не были редкостью во времена Паскаля; XVI век породил их немалое количество, в особенности среди образованных кругов; это были язычники, настроенные более или менее скептически, и Монтень является наиболее изящным их представителем. Линию эту продолжают Шаррон, Ламот-Левайе, Габриэль Ноде. Но эти скептики и эрудиты, равно как и остроумные светские вольнодумцы вроде Теофиля * или Де Барро, все эти проблемы принимали не слишком близко к сердцу. Упорствуя до конца в своем неверии или же отрекаясь от него в свой смертный час, они не испытывали той душевной тревоги, которая свойственна натурам возвышенного духовного склада, отмеченным печатью Архангела; одним словом, если говорить языком Платона, то были натуры далеко не царственные. Паскаль же относится именно к этой лучшей и славной породе, храня на челе своем и в сердце немало ее признаков: это один из благороднейших смертных, но, пораженный болезнью, он жаждет исцеления. В защиту религии он первый вносит ту страстность, ту тревогу, ту возвышенную грусть, которые у иных впоследствии окрасили их скептицизм.

«Я равно порицаю, — говорит он, — и тех, кто взял себе за правило восхвалять человека, и тех, кто его поносит, и тех, кто смеется над ним; я с теми, кто, стеноя, ищет истину» *.

Метод, которым пользуется Паскаль в своих «Мыслях» для того, чтобы убедить неверующего, а в особенности для того, чтобы задеть за живое равнодушного, отличается оригинальностью и неожиданностью. Мы знаем, как он принимается за дело. Он берет человека в окружении природы, среди бесконечных пространств. Сопоставляя его то с необъятностью не-

бес, то с мельчайшим атомом, он поочередно показывает его великим и ничтожным, затерянным между двумя бесконечностями, двумя безднами. Во всей французской литературе не найдется более прекрасных страниц, чем простые суровые строки этой несравненной картины. Затем, продолжая рассматривать человека уже в его внутренней сущности, Паскаль старается показать, что и в сознании его существуют тоже две бездны: с одной стороны — устремление ввысь, к богу и к нравственному совершенству, как бы движение вспять к божественному началу, от которого он произошел, с другой — тяготение вниз, к злу, преступное влечение к пороку. Разумеется, в основе этой мысли лежит христианская идея первородного греха и грехопадения, но, заимствовав эту мысль, он почти превращает ее в свою собственную, до того он углубляет ее и доводит до крайних пределов: человека он изображает сначала чудовищем, какой-то химерой, чем-то совершенно непостижимым. Он завязывает узел и затягивает его так, что только один бог, обрушившись, точно меч, мог бы его рассечь.

Чтобы внести некоторое разнообразие в свое чтение, я доставил себе удовольствие попутно с Паскалем перечитать несколько страниц из Боссюэ и Фенелона. Из Фенелона я выбрал трактат «О существовании бога», а из Боссюэ — трактат «Познание бога и самого себя». Не задаваясь целью выяснить различия в учениях каждого из них (если они вообще существуют), я стремился уловить различия в их личностях и в характере их талантов.

Фенелон, как известно, начинает с того, что ищет доказательств существования бога в самом устройстве мира, в зрелище чудес, раскрывающихся перед человеком во всех сторонах жизни; светила, различные стихии, строение человеческого тела — вот путь, по которому от созерцания творения, от любования искусством мастера он приходит к познанию создателя. Если есть план и есть законы, должен быть и зодчий и законодатель. Если есть определенные цели, значит, есть и высший замысел. Приняв сначала без колебаний этот способ утверждения бога через природу, исходя из ее истолкования, Фенелон во второй части своего трактата касается другого рода доказательств;

на время приняв философскую идею существования вещей лишь в сознании человека, он замыкается в себе, чтобы другим путем дойти до той же цели и доказать существование бога на основании одной природы наших идей. Но, допуская философское сомнение в реальности внешнего мира, он не приходит от этого в ужас: душевное состояние человека, разделяющего этот взгляд, его не смущает; он подолгу останавливается на нем, словно находит в этом известное удовольствие; он не проявляет ни торопливости, ни нетерпения, он не страдает, как Паскаль. Он совсем другой, чем Паскаль, каким прежде всего предстает нам в своих исканиях сей жаждущий пристанища путник, заблудившийся без проводника в темном лесу, что тысячи раз сбивается с пути и то бросается вперед, то устремляется назад и в отчаянии садится на перепутье, испуская крики, на которые никто не отзывается, и, обезумев от душевной боли, снова пускается в путь, и снова не может найти дорогу, и, призывая смерть, бросается наземь — и, только претерпев все мучения, только изойдя кровавым потом, достигает цели.

Другое дело Фенелон. Тот продвигается вперед постепенно, легко, размеренно. Правда, в тот момент, когда он вопрошает себя, не есть ли весь мир лишь призрак, лишь обман чувств, и, логически развивая эту мысль, становится на точку зрения невозможности познания, он говорит: «...это состояние сомнения удивляет и пугает меня; оно отвергает меня в глубокое, устрашающее одиночество внутри самого себя; оно стесняет меня, я чувствую себя как бы парящим в пустоте. Долго такое состояние продолжаться не может, согласен, но это единственное состояние, в которое нас приводит разум»*. Но в то время как он говорит это, мы уже по одной его манере выразиться и по легкости, с которой он касается этого предмета, чувствуем, что напуган он не всерьез. Немного дальше, обращаясь к разуму, он задает ему риторический вопрос: «Доколе же буду я пребывать в этом сомнении, подвергаться этой своего рода пытке, которая между тем является единственным следствием применения моего разума»*. Это сомнение в реальности мира, являющееся для Фенелона *своего рода пыткой*, никогда не допускается Паскалем просто как одна из возможных гипотез; оно

кажется ему в самом деле жесточайшей пыткой, чем-то совершенно противным человеческой природе и глубоко ее оскорбляющим. Вставая, по примеру Декарта, на позиции отрицания реальности, Фенелон прежде всего находит для себя опору в сознании собственного существования и в достоверности некоторых первичных идей. В той же широкой, приятной и легкой дедуктивной манере, в которую порой врываются небольшие порывы чувства, отнюдь не бурного характера, он продолжает и дальше. Читая Фенелона, мы ощущаем эту ангельски кроткую безмятежную натуру, которой нужно только довериться, и она вознесет тебя до божественного начала. Все венчается молитвой, обращенной к благу и вездесущему богу, которому он препоручает себя с полным доверием, надеясь, что бог простит его, если иногда слово ему изменило: «Прости мне эти ошибки, о благодать, не менее безграничная, чем все остальные совершенства бога моего; прости косноязычие мое, ибо не могу я удержаться от хвалы тебе, прости заблуждения ума, который ты создал для того лишь, чтобы он восхищался твоим совершенством»*. Ничто не может быть дальше от метода Паскаля, чем этот выровненный и легкий путь. Здесь не слышно криков отчаяния, и Фенелон, преклоняясь перед крестом, не хватается за него, словно за мачту во время кораблекрушения, как Паскаль.

Паскаль начинает с того, что вообще отбрасывает доказательства бытия божьего, основанные на созерцании природы: «Дивлюсь, — иронизирует он, — сколь отважно принимаются эти люди говорить о боге, убеждая безбожников. Первая их задача — это доказать божество на основании творений природы»*. Но далее, развивая свою мысль, он утверждает, что все эти речи, стремящиеся доказать существование бога, основываясь на проявлении его в природе, в сущности, убедительны только для тех, кто уже верит в бога и поклоняется ему. Что же до других, до равнодушных, лишенных живой веры и благодати божьей, то «уверять их, что им стоит лишь взглянуть на ничтожнейший из предметов, их окружающих, чтобы воочию узреть бога, указывать в качестве единственного доказательства столь великой и важной истины, как бытие божие, на движение Луны или планет и считать, что этим ты что-ни-

будь доказал, — это дать им повод считать, что наша религия располагает весьма слабыми доводами; а я по собственному здравому смыслу и опыту знаю, что ничто не может более способствовать тому, чтобы вызвать в них презрение к ней»*.

По этому отрывку ясно видно, до какой степени Паскаль пренебрегал и даже гнушался полудоказательствами; а между тем он проявляет себя здесь даже более требовательным, чем само Священное писание, где в одном из известнейших псалмов «*Coeli enarrant gloriam Dei*»¹ говорится:

Твердь учит землю трепетать
Перед создателем вселенной* — и т. д.

Любопытно отметить, что эта несколько презрительная фраза Паскаля «Дивлюсь, сколь отважно», и т. д., первоначально так именно и фигурировала в первом издании «Мыслей». Национальная библиотека недавно приобрела уникальный экземпляр, датированный 1669 годом, где эту фразу можно прочесть в том виде, в каком мы ее приводим. Вскоре, однако, друзей или тех, которым положено было рассмотреть и одобрить к печати книгу, смутил столь решительный подход к вопросу у Паскаля, вступавший в явное противоречие с Библией, почему сомнительная страница, еще до выпуска в продажу книги, была вырезана и заменена новой, где мысль автора была смягчена и представлена в виде некоторого предостережения, в тоне совершенно не свойственном этому энергичному писателю, даже когда он обращался к друзьям и приверженцам. Единственное, что я хочу особо подчеркнуть в этом отрывке, это откровенное неприятие Паскалем того, что вскоре станет методом Фенелона. Спокойный, уповающий на милость божью и ничем не терзаемый Фенелон восхищенно созерцает дивный порядок звездного неба и говорит вслед за волхвом, пророком и халдейским пастухом: «О, как могуч и мудр тот, кто сотворил эти миры, бесчисленные, как песчинки, покрывающие морские берега; кто без труда в течение стольких веков водит все эти блуждающие миры, подобно пастырю, пасущему свое стадо!»* Паскаль смотрит на то же

¹ Небеса повествуют о славе господней (лат.).

сверкающее звездами небо и ощущает за ними пустоту, которую сущий в нем геометр ничем не может заполнить. Он восклицает: «Меня пугает извечное молчание этих бесконечных пространств» *. Раненый, но все еще могучий орел, он устремляется за пределы видимого солнца, чтобы там, в его слабеющих лучах, искать новую и вечную зарю, до которой ему никогда не суждено будет долететь. Он испытывает страх и боль оттого, что встречает лишь молчание и ночь.

Если сравнивать Паскаля с Боссюэ, то контраст в их методах покажется не менее разительным. В своем трактате «О познании бога» великий прелат обращается к своему ученику, молодому дофину, но точно так же стал бы он говорить и с любым читателем. Боссюэ берется за перо и с величайшим спокойствием излагает все пункты церковного учения: двойственную природу человека, благородное происхождение его, превосходство и бессмертие духовного начала, в него заложное, и прямую связь его с богом. Боссюэ вещает, как самый высокопоставленный епископ; он пребывает за своей кафедрой, он опирается на нее. Это не мятущийся, страждущий искатель, это наставник, указующий или утверждающий путь. Пункт за пунктом, без всякой внутренней борьбы, без каких-либо усилий, приводит он все доводы в пользу своей концепции; они не выстраданы им. Он в некотором роде лишь излагает, лишь свидетельствует о духовной сущности человека с уверенностью того, кто давно уже не знает душевных бурь. Его устами вещает непоколебимый авторитет и незыблемость правоты, он с удовлетворением взирает на существующий повсюду порядок, а если он где-либо нарушается, немедленно восстанавливает его своим словом. Паскаль, напротив, настаивает на разладе и беспорядке, присущим, по его мнению, всякому явлению природы. Там, где один величественно разворачивает свое поучение, другой обнажает кровоточащие свои раны, и в самых своих крайностях он близок нам и трогает нас еще и теперь.

Это не значит, что Паскаль ставит себя на равную ногу с тем, кого хочет отвратить от заблуждений и направить на правый путь. Не будучи ни епископом, ни священником, он тем не менее совершенно уверен в себе, он заранее знает свой вывод и достаточно ясно

дает почувствовать и свою убежденность, и то, что вызывает его презрение и нетерпение; он бранит, он высмеивает тех, кто глух, кто сопротивляется; но вот его охватывает вдруг чувство милосердия или одерживает верх его открытая, добрая натура; он оставляет свой деспотический тон, он говорит от себя и от всех, он сливается со страждущей душой, и душа эта заявляет нам живой образ, его, Паскаля, и нас самих.

Боссюэ не отвергает прозрений древней философии, не поносит ее: она может быть полезна. По его мнению, все то, что приближает нас к идее умственной и духовной жизни, все то, что способствует развитию нашей возвышенной сущности, которая делает нас подобными нашему создателю, все это — благо, и всякий раз, когда является нам какая-нибудь великая истина, мы предвкушаем то высшее бытие, которому предназначено от века всякое разумное существо. В великолепной своей манере Боссюэ любит сближать объединять самые великие имена, сплетая в некотором роде ту золотую цепь, с помощью которой разум человеческий достигает самых высоких вершин. Нельзя не привести одного отрывка из Боссюэ, отличающегося необыкновенно величественной красотой:

«Кто видит, как Пифагор, открыв равенство квадратов сторон некоторого треугольника с квадратом его основания, в восхищении своем приносит благодарственную жертву; кто видит, как Архимед, поглощенный неким новым открытием, забывает питье и еду; кто видит, как Платон восхваляет блаженство тех, кому дано созерцать прекрасное и благое, сначала в искусстве, затем в природе, и наконец — в источнике их и начале, имя которому бог; кто видит, как Аристотель превозносит те счастливые мгновения, когда душой владеет лишь свет истины, и полагает лишь такую жизнь достойной стать вечной, стать жизнью бога; но, в особенности, тот, кто видит, как святые из познания бога, любви к нему и прославления его имени черпают столь великую радость, что не желают уже ничего иного, и дабы не лишиться ее, заглушают в себе все чувственные желания; кто видит, говорю я, все это — тот признает, что в жизни человека залогом и началом бесконечного счастья является деятельность его разума»*.

К богу влечет Боссюэ скорее идея величия человека, нежели ощущение его ничтожества. В созерцании своем он возвышается от одной истины к другой, и ему нет необходимости склоняться то над той, то над этой бездной. Он только что изобразил нам духовное блаженство высшего разряда, начиная с Пифагора и Архимеда, переходя затем к Аристотелю и возносясь наконец до святых: кажется, что сам он, если рассматривать его в свете этого возвышенного примера, поднялся еще на одну ступень к алтарю.

Паскаль действует иначе: он старается отчетливее разграничить сферы и поставить между ними непревосходимую преграду. Он не признает того, что было постепенным приближением к христианству в философии древних. Ученый и более терпимый Дагессо, говоря о плане книги, которую предлагал составить по «Мыслям», имел полное основание сказать: «Если бы решено было использовать «Мысли» г-на Паскаля, пришлось бы исправить во многих местах весьма несовершенные его оценки философии язычников; истинная религия не нуждается в том, чтобы предполагать в своих противниках или в своих соперниках недостатки, которые им не присущи». Если сопоставить Боссюэ с Паскалем, последний с первого взгляда может покоробить нас чрезмерной суровостью и узостью своих взглядов. Не довольствуясь вместе с Боссюэ, Фенелоном и прочими христианами верой в скрытого от нас бога, он с особой настойчивостью подчеркивает таинственный характер этой невозможности постичь его нашими чувствами; он с особой охотой утверждает, что бог «пожелал ослепить одних и просветить других»*. Он будет порою наталкиваться, упорно наталкиваться, — так он сам говорит, — на подводные камни, которые благоразумнее было бы для разума и даже для веры обходить, а не открывать и не объявлять об них во всеуслышание; так, он скажет о пророчествах, упомянутых в Евангелии: «Вы думаете, что они приведены для того, чтобы внушить вам веру. Нет, это для того, чтобы отвратить вас от веры»*. О чудесах он скажет: «Чудеса служат не для того, чтобы обращать, а для того, чтобы осудить»*. Как слишком отважный проводник в горном походе, он словно сознательно проходит по самому краю обрывов и пропастей; можно

подумать, что он испытывает свои силы в борьбе с головокружением. В противоположность Боссюэ, Паскаль питает пристрастие к малым общинам, к немногочисленным паствам избранных — все это ведет к секте: «Я люблю, — говорит он, — людей верующих, неизвестных миру и даже самим пророкам»*. Но наряду с этими резкостями, с этими ухабами и в противовес им, сколько слов, попадающих прямо в сердце! Сколько хватающих за душу криков! Сколько истин, ясных для всякого, кто страдал и жаждал, для того, кто заблуждался и вновь обретал свой путь, но кто никогда не хотел терять надежду! «Как хорошо, — восклицает он, — изнеможь и пресытиться бесполезными поисками истинного блага, тогда ты протянешь руки к Избавителю»*. Никто, как он, не дал так ясно почувствовать, что такое вера: истинная вера — это «бог, ощущаемый сердцем, а не разумом. — Как далеко, — говорит он, — от познания бога до любви к нему!»*

Эта сердечность Паскаля, прорывающаяся сквозь все то жесткое и суровое, что есть в его манере и учении, пленяет в нем с особой силой. То волнение, с которым этот великий страждущий дух молится, то, как он говорит нам о самом важном в религии, о самом Иисусе Христе, способно захватить все сердца и внушить им некое ощущение глубины, навсегда запечатлев в них некую растроганную почтительность. Прочитав Паскаля, можно остаться неверующим, но уже нельзя ни насмехаться над религией, ни богохульствовать; и в этом смысле правда, что в определенном отношении он одержал победу над духом XVIII века и над Вольтером.

В одном до сих пор неизвестном отрывке, публикацией которого мы обязаны г-ну Фожеру, Паскаль размышляет об агонии Иисуса Христа и о муках, на которые эта поистине героическая душа, являющаяся, когда она это захочет, столь поразительную стойкость, сознательно обрекла себя во имя и на благо всех людей. И здесь в нескольких строках не то размышлений, не то молитвы Паскаль проникает в тайну этих страданий с такой страстностью, с такой нежностью, с таким благоговением, что никакая человеческая душа уже не может остаться бесчувствен-

ной. Неожиданно он воображает диалог, в котором божественный мученик обращается к своему ученику и говорит:

«Утешься, ты не искал бы меня, когда б уже не нашел. — Ты не искал бы меня, когда б я не был с тобою; так не тревожься же.

О тебе думал я в своей агонии; за тебя пролил я иные капли крови своей!

Неужто хочешь ты, чтобы я продолжал проливать свою человеческую кровь, а глаза твои оставались сухи?...» *

Этот отрывок нужно прочесть целиком и именно в этом месте текста. Смею думать, что Жан-Жак Руссо, услышав его, разрыдался бы, а может быть, даже упал на колени. Вот такими жгучими, страстными страницами, в которых любовь к богу пронизана любовью к людям, он оказывает на нас и по сей день влияние несравненно большее, чем любой апологет его времени. Это смятение, эта страстность, этот жар с лихвой искупают и жестокость, и крайности его доктрины. Паскаль более резок, чем Боссюэ, и в то же время более симпатичен нам; своими чувствами он больше походит на нашего современника. В ту же пору, когда мы читаем «Чайльд-Гарольда», «Гамлета», «Рене» или «Вертера», мы прочтем и Паскаля, и он не уступит им в нашем сознании, вернее, он даст нам понять и почувствовать некий нравственный идеал и красоту чувства, которой всем им недостает и которые, единожды мельком раскрывшись нам, повергают нас в отчаяние. Тот, кто умеет поднять свое чувство отчаяния до столь высоких сфер, уже за одно это достоин славы.

Отдельные любознательные люди и эрудиты будут продолжать углубленное изучение всего Паскаля; но самое лучшее, что мне представляется в настоящее время для серьезных умов и прямодушных сердец, тот совет, который я готов им дать, перечитав последнее издание «Мыслей», — это не слишком углубляться в частные, чисто яansenистские воззрения Паскаля, удовольствовавшись угадыванием этой его стороны, знакомством с ней по некоторым основным вопросам, а

главное внимание обратить на драму нравственной борьбы, на бурную страсть, которую он питает к добру, и на его жажду возвышенного счастья, Подходя к Паскалю подобным образом, можно легко противостоять узкой нетерпимости и упрямству его логики; но при этом душа ваша открывается навстречу этому пламени, этим полетам мысли, всему, что есть в нем нежного и великодушного; вы без труда приобщитесь к тому идеалу нравственного совершенства, который он с такою страстью олицетворяет в Христе, вы почувствуете, как возвысились и очистились за те часы, которые провели с глазу на глаз с этим борцом, мучеником и героем невидимого нравственного мира: ибо Паскаль воплощает для нас их всех.

Мир идет вперед; он движется в направлении, которое кажется совершенно противоположным тому, по которому следовал Паскаль, мир все больше и больше развивается в сторону положительных интересов, в сторону покорения физической природы и обработки ее богатств и торжества человека через развитие промышленности. Хорошо, что где-то всему этому есть противовес; хорошо, что в своих уединенных кабинетах, отнюдь не намереваясь противостоять движению века, сильные, благородные, но отнюдь не ожесточенные умы думают о том, чего ему не хватает и чем бы он мог обогатить и увенчать себя. Подобные хранилища высоких мыслей необходимы, дабы парение мысли не утратилось вовсе и практические заботы не поглотили человека в целом. Человеческое общество, а если взять более конкретный пример, французское общество, представляется мне подчас неутомимым путешественником, который идет своей дорогой и преследует свою цель под многими обличьями, частенько меняя имя и костюм. Встали мы на ноги и пустились в путь с 89-го года: куда же идем мы? Кто ответит нам на этот вопрос? Но мы продолжаем идти и идти. В тот самый момент, когда, казалось, революция останавливалась, она вновь оживала, продолжаясь в другой форме: то она облекалась в военный мундир то в черный сюртук депутата, вчера она была пролетарием, позавчера — буржуа. Сегодня она является промышленной по преимуществу, и впереди всех шагает торжествующий инженер. Не будем роптать, но

вспомним и о второй стороне нашего существа, столь долгое время составлявшей честь и славу человечества. Отправимся в Лондон, чтобы посетить Хрустальный дворец и полюбоваться его диковинами, обогатим его нашими изделиями для вящей его гордости, да, но в пути, но, возвратясь из нашей поездки, повторим вслед за Паскалем слова, которые нужно было бы выгравировать на фронтиспise:

«Все тела, небесная твердь, звезды, земля и ее царства не стоят самого ничтожного из умов; ибо он знает все это и самого себя, а тела не знают ничего. Но все тела, взятые вместе, и все умы, взятые вместе, и все, что они сотворили, не стоят единого порыва милосердия — это явление несравненно более высокого порядка.

Из всех тел, взятых вместе, не удалось бы извлечь и самой ничтожной мысли; из всех тел и умов нельзя было бы извлечь ни единого порыва истинного милосердия; это невозможно, это относится к иной сфере — сверхъестественной» *.

Так говорит Паскаль в кратких и сжатых своих «Мыслях», написанных им для одного себя, мыслей несколько отрывистых, но бьющих, как струя, из самого источника.

Настоящий издатель, г-н Авэ, на одной из страниц своего введения упомянул обо мне в столь снисходительных выражениях, что мне несколько неловко, заканчивая настоящую статью, хвалить его в свою очередь; тем не менее должен сказать, что, насколько мне кажется, поставленную перед собою основную цель, которую я указал, он достиг и настоящее учебное издание — большая услуга, оказанная всем нам. Тот философский и независимый характер, который он счел нужным придать изданию, не снижает его ценности, а в моих глазах даже увеличивает ее. Книга Паскаля в том виде, в каком она до нас дошла, не может стать точным и полным апологетическим трактатом, особенно если принять во внимание смелость высказываний Паскаля и малую связь между отдельными отрывками во вновь восстановленном по оригиналу тексте. Она может лишь представить со-

бою облагораживающее чтение, переносящее душу в нравственную и религиозную сферу, с которой ее постоянно заставляют спускаться многочисленные будничные интересы. Г-н Авэ все время стремился поддержать это возвышенное впечатление, освободив книгу от сектантских контrovers, к которым особые взгляды Паскаля могли привести. Заключение, написанное г-ном Авэ, прекрасно резюмирует дух его труда: «Вообще, — говорит он, — мы, люди сегодняшнего дня, более трезвы в своем миропонимании, чем Паскаль, но для того, чтобы гордиться этим, нам бы следовало в то же время быть такими же чистыми, бескорыстными и милосердными, как он» *.

«МЫСЛЬ» ПАСКАЛЯ

Новое издание с примечаниями и комментариями г-на Э. Авэ

Впервые статья напечатана в «Le Constitutionnel», 29 марта 1852 г., включена в издание «Causeries du Lundi», t. V.

Стр. 362. ...прекрасная работа... Авэ — *Pensées de B. Pascal, édition nouvelle avec notes et commentaires par E. Havet, 1852.*

Стр. 363. Встреча с господами из Пор-Рояля... — то есть с янсенистами. Пор-Рояль был средоточием янсенизма — оппозиционного течения внутри католицизма. Паскаль вступил в общину Пор-Рояля в период, когда янсенисты подвергались жестоким гонениям. Стараниями иезуитов их доктрины были осуждены Собором французских епископов и самим папой. Паскаль в своих «Письмах к провинциалу» (1656—1657) выступил в защиту гонимых, перенося их спор с иезуитами из сферы теологической в сферу нравственную, разоблачая казуистику иезуитов и аморальность их поступков. В книге Паскаля борьба янсенистов с иезуитами представляла как борьба истины с насилием, свободы с деспотизмом.

Стр. 364. Г-н Кузен в 1843 году первый предпринял эту работу... — Виктор Кузен сличил издание «Мыслей» 1670 г., считавшееся до тех пор канонизированным, с рукописями Паскаля и пришел к выводу, что это издание («из-за опасения разойтись с учениями церкви», как замечает Сент-Бёв) искажает оригинал. Вслед за тем Французская академия вынесла решение о новом издании «Мыслей» на основе подлинного текста Паскаля. В 1844 г. Проспер Фожер издал произведения Паскаля в двух томах, тщательно выверив тексты по оригиналу; им же было написано вступление к этому изданию, где объяснен характер проделанной текстологом работы. В 1852 г. «Мысли» Паскаля были опубликованы литературоведом Эженом Авэ с пояснительными примечаниями. Но на этом изучение текстов Паскаля не прекратилось. И в последующее время выходили издания его сочинений, дополненные и выверенные в соответствии с оригиналом. Так, в 1925 г. появилась новая публикация «Мыслей» Паскаля: *Pensées de Blaise Pascal, Ed. Ch.—M. des Granges, P. 1925.*

В дальнейшем в комментариях к данной статье при цитировании «Мыслей» Паскаля главы указываются по этому изданию.

Стр. 365. ...вроде Теофиля... — то есть поэта-вольномдумца Теофиля де Вио.

«Я равно порицаю...» — Блез Паскаль, «Мысли», гл. VI.

Стр. 367. «...это состояние сомнения...» — См.: Fene-

Ion F., *Traité de l'existence de Dieu, tirée de la connaissance de la nature*. Ed. Garnier frères, P. 1734, p. 105.

«...Доколе же я буду пребывать в этом сомнении...» — Там же.

Стр. 368. «Прости мне эти ошибки...» — Там же, стр. 201.

«Дивлюсь, — иронизирует он, — сколь отважно...» — Там же, гл. IV.

Стр. 368—369. «...«уверять их, что им стоит лишь взглянуть...» — Там же.

Стр. 369. «Твердь учит землю трепетать...» — из оды XI Жана-Батиста Руссо, стихотворного переложения псалма «Небеса повествуют».

«О, как могуч и мудр тот...» — Фенелон, ук. соч., стр. 18.

Стр. 370. «Меня пугает извечное молчание...» — «Мысли», гл. III.

Стр. 371. «Кто видит, как Пифагор...» — Bossuet, *De la connaissance de Dieu et de Soi-Même*. Ed. Garnier, P. 1670, p. 256—257.

Стр. 372. «...«пожелал ослепить одних...» — Паскаль, «Мысли», гл. VIII.

«Вы думаете, что они приведены для того...» — Там же.

«Чудеса служат не для того, чтобы обращаться...» — Там же, гл. XIII.

Стр. 373. «Я люблю, — говорит он...» — Там же, гл. XII.

«Как хорошо, — восклицает он...» — Там же.

«...бог, ощущаемый сердцем, а не разумом». — Там же, гл. IV.

Стр. 374. «Утешься, ты не искал бы меня...» — См. кн.: «*Pensées, Fragments et Lettres de Blaise Pascal*», éd. Faugere, P. 1844, p. 216.

Стр. 376. «Все тела, небесная твердь...» — Паскаль, «Мысли», гл. XII.

Стр. 377. «Вообще мы, — говорит он...» — цитата из этюда Э. Авэ, «Мысли» Паскаля», см. в кн.: *Pascal B., Les Pensées*, éd. III, P. 1881, p. 44—45.

ПОЛЬ-ЛУИ КУРЬЕ

Впервые статья напечатана в двух номерах журнала «Le Constitutionnel» от 26 июля и 2 августа 1852 г. Впоследствии эта статья была включена в издание «*Causeries du Lundi*», t. VI, 1854.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сент-Бёв. Вступительная статья М. Трескунова</i>	5
---	---

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Пьер Корнель. <i>Перевод Н. Сигал</i>	47
Матюрен Ренье и Андре Шенье. <i>Перевод А. Энгельке</i>	67
Лафонтен. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	83
Стремления и надежды литературно-поэтического движения после революции 1830 года. <i>Перевод М. Трескунова</i>	99
Дидро. <i>Перевод А. Левинтона</i>	109
Виктор Гюго (Романы). <i>Перевод Е. Максимовой</i>	134
Жорж Санд. «Индиана». <i>Перевод А. Тетеревниковой</i>	145
Беранже (Последний сборник новых песен). <i>Перевод Э. Линецкой</i>	155
О критическом уме и о Бейле. <i>Перевод А. Энгельке</i>	167
Лабрюйер. <i>Перевод Т. Хмельницкой</i>	190
Меркантилизм в литературе. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	212
Спустя десять лет в литературе. <i>Перевод А. Андрея</i>	234
Эжен Сю. «Жан Кавалье». <i>Перевод Г. Рубцовой</i>	252
Несколько истин о положении в литературе. <i>Перевод Е. Зворыкиной</i>	273
«Французские легенды. Рабле». Сочинение Эжена Ноэля. <i>Перевод А. А. Смирнова</i>	294
Что такое классик? <i>Перевод С. Петрова</i>	310
«Исповедь» Руссо. <i>Перевод С. Шадрина</i>	326
Монтень. <i>Перевод И. Лихачева</i>	344

«Мысли» Паскаля. <i>Перевод Э. Лазбниковой</i>	362
Поль-Луи Курье. <i>Перевод И. Лихачева</i>	378
Неизданные произведения Ронсара. <i>Перевод А. Михай-</i> <i>лова</i>	416
«Госпожа Бовари» Гюстава Флобера. <i>Перевод А. Фе-</i> <i>дорова</i>	448
Альфред де Мюссе. <i>Перевод М. Трескунова</i>	465
Франсуа Вийон. <i>Перевод Н. Рыковой</i>	476
Комментарии	501
Указатель имен	562

Шарль Сент-Бёв
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ,
КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Редактор С. Лейбович
Художественный редактор
Г. Масляненко
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
Р. Пунга и А. Юрьева

Сдано в набор 20/XI 1968 г. Подписано
к печати 31/VII 1969 г. Бумага № 1.
84X108^{1/32} 18,25 печ. л.=30,66 усл. печ. л.
31,72 + 1 вкл. = 31,77 уч.-изд. л. За-
каз № 401. Тираж 25 000 экз.
Цена 1 р. 57 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Московская типография № 20
Главполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2